

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-34-45
УДК 339.97(045)
JEL F15, O29

Особенности участия России в интеграционных процессах: ресурсный вектор как фактор «мягкой силы»

Н.Л. Орлова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6368-5463>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – участие России в процессах экономической интеграции с позиций ресурсного спроса. *Цели статьи* – выявление специфики и проблем участия России в интеграционных процессах на современном этапе, определение возможностей включения ресурсного вектора как дополнительного инструмента «мягкой силы» в стратегию продвижения национальных интересов в геоэкономическом пространстве и подготовка предложений по формированию новых подходов к вопросам долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования интеграционного взаимодействия с учетом ресурсной составляющей. В результате исследования выявлены особенности участия России в интеграционных процессах: дифференциация стран интеграционной группировки по степени обладания конкурентными преимуществами, многовекторность ресурсной экспортной стратегии, неравномерность распределения ресурсов на территории России, различия в корпоративных культурах компаний стран интеграционного образования. С учетом специфики и масштаба фундаментальных задач развития российской экономики определены актуальные направления ресурсного обеспечения интеграционных отношений и доказана необходимость многовекторности направленности российского ресурсного экспортного спроса. Частью постановки данной проблемы является взгляд на перспективы ресурсного спроса и вектор его будущего развития с точки зрения геоэкономического методологического подхода. С целью совершенствования участия России в интеграционных процессах выдвинут ряд предложений, отражающих научную концепцию органичного включения ресурсных потоков в постоянно развивающуюся инновационно-воспроизводственную систему мирового развития. *Сделаны выводы* о том, что результаты исследования могут быть использованы для повышения эффективности интеграционного взаимодействия с соседними с Россией странами, а также в реализации доктрины «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила»; экономическая интеграция; ресурс; конкурентные преимущества; трудовые ресурсы; перспективы ресурсного спроса

Для цитирования: Орлова Н.Л. Особенности участия России в интеграционных процессах: ресурсный вектор как фактор «мягкой силы». *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(6):34-45. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-34-45

ORIGINAL PAPER

Features of Russia's Participation in Integration Processes: Resource Vector as a Factor of "Soft Power"

N.L. Orlova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6368-5463>

ABSTRACT

The subject of the research is Russia's participation in the processes of economic integration from the perspective of resource demand. *The purpose of article* is to identify specific problems of Russia's participation in integration processes at the present stage, to determine possibilities of inclusion of the resource-vector as an additional tool of "soft power" strategy in the promotion of national interests in geo-economic space, and to prepare proposals on formation of new approaches to long-term forecasting and strategic planning integration and interaction taking into account the resource

© Орлова Н.Л., 2020

component. The study revealed the peculiarities of Russia's participation in integration processes: differentiation of the integrationally grouping countries in terms of possessing competitive advantages, diversity of resource export strategy, the uneven distribution of resources in Russia, the differences in the corporate cultures of the integrating companies. Taking into account the specifics and scale of the fundamental tasks of the Russian economy development, the current directions of resource support for integration relations are determined and the need for a multi-vector orientation of the Russian resource export demand is proved. Part of the formulation of this problem is to look at the prospects of resource demand and at the vector of its future development from the point of view of geo-economic methodological approach. In order to improve Russia's participation in integration processes, a number of proposals have been put forward that reflect the scientific concept of organic inclusion of resource flows in the constantly developing innovation and reproduction system of world development. *It is concluded* that the results of the study can be used to improve the effectiveness of integration interaction with neighboring countries, as well as in the implementation of the "soft power" doctrine.

Keywords: "soft power"; economic integration; resource "competitive advantages"; labor resources; prospects for resource demand

For citation: Orlova N.L. Features of Russia's participation in integration processes: Resource vector as a factor of "soft power". *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(6):34-45. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-34-45

ВВЕДЕНИЕ

Активизация интеграционных взаимодействий России с другими странами на протяжении последнего десятилетия — процесс объективный, хотя и имеющий ряд противоречий. Среди них: развитие внешнеэкономической деятельности на фоне применения мер санкционной политики, цифровая трансформация международного бизнеса, наличие неодинаковых подходов к статистическому учету взаимной торговли стран — членов интеграционного образования. В данном контексте заслуживает внимание проблема «исчезающего» транзита белорусской продукции через Россию в Казахстан, Армению и Киргизию [1]. Кроме этого, на современном этапе отдельные аспекты развития институциональной сферы требуют корректировки. Например, наметились новые направления сотрудничества России в рамках ЕАЭС, не включенные в Договор об его учреждении и касающиеся образования, туризма, здравоохранения и других прорывных направлений интеграции, обуславливая необходимость поиска новых сбалансированных форматов взаимодействия. На этом фоне концепция «мягкой силы», уже доказавшая свою эффективность во внешнем мире и, по мнению Джозефа С. Ная-мл., предполагающая способность реализовывать собственные интересы на основе добровольного участия союзников, исключая принуждение и использование финансового ресурса, может получить дополнительный импульс при условии формирования новых подходов к оценке роли ресурсной составляющей интеграционного взаимодействия.

Геоэкономические (торговые) войны, развязанные в последние годы, не могли не затронуть интеграционные процессы, снизив их темпы и глубину. Как представляется, отмеченные выше противоречия могут быть преодолены посредством создания эффективной системы управления материальными и нематериальными ресурсами, которые являются платформой для развития экспортного потенциала страны. Функционирование данной системы должно основываться, *во-первых*, на вычленении ведущих отраслей экономики каждого государства — участника интеграционного образования и обеспечении необходимого соотношения их возможностей с потребностями мирового рынка в целях гармонизации и расширения внутреннего рынка интеграционной группировки; *во-вторых*, на готовности к мобильности в определении географических направлений при организации международной торговли, подкрепленной соответствующей инфраструктурой; *в-третьих*, на необходимом количестве и качестве имеющихся трудовых ресурсов; *в-четвертых*, на учете особенностей среды, в которой осуществляется международное сотрудничество (различия в цивилизационных ценностях контрагентов, влияние геополитического фактора в продвижении экономических интересов и т.д.).

В целях данного исследования под ресурсом понимается совокупность средств и их источников, определяющих реализацию моделей стратегического развития. В данном контексте в интеграционных проектах задействуются следующие ресурсные блоки: сырьевой, трудовой, производственный, транспортно-коммуникационный, инновационный, инфор-

мационный, геостратегический, геофинансовый, геоэкономический, экологический и др.

РАЗЛИЧИЯ В ИМЕЮЩИХСЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН

Теоретические аспекты формирования и развития конкурентных преимуществ стран в российской и зарубежной экономической литературе представлены довольно широко и в общем виде сводятся к необходимости учета наличия и особенностей использования природных, человеческих, финансовых и других ресурсов страны. На современном этапе особую значимость приобретают инновационная сфера, социальные факторы и способность реагирования на внешние вызовы без потери стабильности экономического развития страны. На наш взгляд, основным элементом анализа конкурентных преимуществ стран, реализующих интеграционные проекты, является система базовых макроэкономических показателей развития государства (региона), необходимая и достаточная для выхода на внешний рынок посредством формирования хозяйственными субъектами трансграничного статуса. Своевременный учет дисбалансов экономики государств может минимизировать риски и наметить новые точки роста во взаимном сотрудничестве. В *табл. 1* приведены показатели экономического развития России и отдельных стран, с которыми ведутся интеграционные отношения.

Если сравнивать основные текущие макроэкономические показатели России со странами СНГ и ближайшими азиатскими соседями и основными партнерами, то Россия по-прежнему остается лидером по размеру ВВП на душу населения. Ей удалось обуздать инфляцию и снизить ее до 4,5%, что позволяет ей находиться в середине анализируемой группы стран по этому показателю. И главное — Россия имеет положительное сальдо платежного баланса с хорошим уровнем отношения к ВВП — почти 4%. Процессы интеграции получили дальнейшее развитие с началом функционирования Евразийского экономического союза, что дает возможность России успешно конкурировать с ведущими экономиками мира на основе создания геоэкономического пространства, обладающего значительным потенциалом, и требует новых подходов к организации межгосударственного взаимодействия. Согласно прогнозам Минэкономразвития России в перспективе сохранится лидирующая роль России в добыче полезных ископаемых

и развитии обрабатывающих производств в структуре компонентов производства ВВП. Так, в 2019 г. их доля составляла 11,9 и 12,4% соответственно, а к 2024 г. прогнозируется 11,2 и 12,8¹. Подобные процессы характерны также для Казахстана и ряда других стран. Китай лидирует в наращивании международной конкурентоспособности за последние десятилетия, что обусловлено использованием дешевой рабочей силы, заимствованием технологий средних технологических укладов, развивающимся инвестиционным и инновационным потенциалом [2, с. 134].

По мнению экспертов, эффективность включения страны и ее регионов в мировую хозяйственную систему во многом зависит от развития инновационной деятельности. Однако это проблема не отраслевая и технологическая, а системная, требующая адекватной структуры как экономики в целом, так и каждой ее сферы [3, с. 84].

Таким образом, проявляется необходимость объединения ресурсов национальных научно-технических комплексов с целью реализации интеграционных проектов, связанных с инновациями, энергетикой и транспортной инфраструктурой. Повышению конкурентных преимуществ России будет способствовать и ориентация бизнес-сообществ на Перечень перспективных экономических специализаций, определенных в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., при планировании и реализации внешнеэкономической деятельности. Кроме этого, в «постковидной экономике» усилия государства будут сосредоточены на поддержании макроэкономической стабильности, формировании условий для расширения экспортных возможностей, развития производственного и научно-технологического потенциала интеграционного образования.

В качестве одного из ответов на вызовы цифровизации представляется целесообразным адаптация бизнес-процессов широкого круга компаний, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, к цифровым технологиям, что позволяет интегрировать тем самым бизнес-процессы в рамках интеграционного образования. С целью повышения позиций России в глобальных рейтингах следует определить пути нивелирования различий в уровне цифрови-

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_period_do_2024_goda_.html

Таблица 1 / Table 1

Основные экономические показатели некоторых стран, 2019 г. / Key economic indicators of selected countries, 2019

	ВВП в текущих ценах (млрд международных долл.) / GDP at current prices (billions of international dollars)	ВВП на душу населения, текущие цены (международных долл.) / GDP per capita, current prices (international dollars)	Инфляция, средние потребительские цены (процентное изменение) / Inflation, average consumer prices (percent change)	Население (в тыс.) / Population (in thousands)	Баланс текущего счета (в % к ВВП) / Current account balance (percent of GDP)
Армения / Armenia	33	11301	1,4	2958	- 8,2
Беларусь / Belarus	195	20642	5,6	9452	- 1,8
Китай / China	27307	19045	2,9	1433784	1,0
Индия / India	11043	8082	4,5	1366418	- 1,1
Казахстан / Kazakhstan	541	29161	5,2	18551	- 3,6
Кыргызстан / Kyrgyzstan	26	4065	1,1	6416	- 9,1
Молдова / Moldova	27	6750	4,8	4043	- 8,9
Пакистан / Pakistan	1202	5549	6,7	216565	- 5,0
Россия / Russia	4390	30095	4,5	145872	3,8
Сингапур / Singapore	594	102303	0,6	5804	17,0
Южная Африка / South Africa	805	13742	4,1	58558	- 3,0
Таджикистан / Tajikistan	34	3662	7,8	9321	- 3,3
Узбекистан / Uzbekistan	303	9197	14,5	32982	- 5,6
Вьетнам / Vietnam	1001	10382	2,8	96462	4,0

Источник / Source: The World Economic Outlook (WEO) database / The International Monetary Fund (IMF): URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/index.aspx>. Данные по населению взяты из / Population data taken from: World Population Prospects 2019 / UN Department of Economic and Social Affairs: URL: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_pop_f01_1_total_population_both_sexes.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_pop_f01_1_total_population_both_sexes.xlsx).

зации экономик стран — участниц интеграционных процессов. Одним из них может выступать создание цифровой платформы с лучшими практиками цифровых трансформаций и внедрения инноваций в бизнес-процессы на территории интеграционных образований с участием России.

МНГОВЕКТОРНОСТЬ РОССИЙСКОЙ РЕСУРСНОЙ ЭКСПОРТНОЙ СТРАТЕГИИ

Россия, обладая широким спектром ресурсов, не имеет серьезных проблем в определении возможностей их включения в воспроизводственные процессы в сложившихся экономических отношениях на основе установления направлений развития устойчивого экспортного ресурсного спроса в инновационной среде благодаря задействованию имеющихся и потенциально существующих ресурсов в совершенствовании интеграционных отношений. При этом степень эффективности этого процесса напрямую зависит от выбора векторов ресурсной экспортной стратегии: западноевропейской или восточной.

Западноевропейское направление характеризует универсальность, которая обусловлена применением традиционной внешнеторговой и воспроизводственной модели экономического взаимодействия стран, основанной на европейских кластерно-сетевых системах. Кроме этого, на европейском направлении востребованы различные формы ресурсного спроса (материальные и нематериальные), характеризующиеся нехваткой локальных ресурсов, восполняемых за счет импорта; совместным производством экспортных товаров с высокой ролью поставщиков ресурсов и их участием в распределении полученного дохода от реализации готовой продукции; сочетанием современного производства с наукой и инновационной средой.

Восточный вектор ресурсной экспортной направленности также является одним из лидирующих для России. Концептуальные подходы к определению стратегических интересов России в развитии интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР), а также установление стратегических направлений сотрудничества с КНР являются предметом исследования ведущих научных школ [4–7]. Усилия государства направлены на повышение конкурентоспособности Дальнего Востока и Восточной Сибири с целью преодоления геоэкономической уязвимости. В условиях активизации экономического

взаимодействия со странами АТР целесообразно свести к минимуму системное напряжение, вызванное низкой плотностью населения, наличием значительных запасов минерально-сырьевых ресурсов, обширной территорией и потенциальными возможностями роста в инновационной, производственной и инфраструктурной сферах. Следовательно, развитие восточного вектора ресурсной экспортной направленности с учетом геоэкономического положения может способствовать трансформации всего региона и его выводу на новый уровень взаимодействия с внешним миром.

Представляется, что совершенствование методов количественной оценки товарных потоков, функционирование кооперационных геоэкономических бирж, применение кластерно- сетевого подхода в пространственном развитии регионов будут способствовать эффективному экономическому сотрудничеству и минимизации рисков региональных конфликтов.

Круг внешнеэкономических интересов России не ограничивается двумя рассмотренными векторами. Усиление протекционизма в современных международных экономических отношениях, «накопление противоречий сложившейся неолиберальной экономической модели, активизация региональных процессов привели к возрастанию интереса к географическим факторам экономического развития» [8, с. 311]. Анализ показывает, что в условиях смены стратегической конъюнктуры расширение количества векторов ресурсной экспортной направленности по новым географическим направлениям усилит конкурентные преимущества страны в глобальной экономике и позволит стабильно развиваться на фоне вызовов глобализации.

В течение ряда лет неустойчивая мировая конъюнктура потребления сырьевых ресурсов обуславливает необходимость поиска новых путей гармонизации структуры российского экспорта за счет позиций, включающих значительную долю добавленной стоимости. Речь идет о развитии бизнес-партнерства инновационных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Красноярска, Новосибирска, Хабаровска, Томских кластерно-сетевых систем, промышленных кластеров Урала с соответствующими зарубежными структурами, а также о расширении потенциала особых экономических зон и территорий опережающего развития. Данные *табл. 2* позволяют сравнить потенциалы инновационной деятельности стран — партнеров России по интеграции.

Таблица 2 / Table 2

Сравнительные показатели инновационной деятельности, 2018 г. / Comparative indicators of innovation activity, 2018

	Затраты на НИОКР, выраженные в % от ВВП / R&D expenditure as a percentage of GDP		Экспорт информационных технологий (в % от общего) / Information technology exports, percent of total goods exports		Экспорт высоких технологий (хай-тека) (млн долл. США) / High technology exports (USD million)		Экспорт хай-тека, (% экспорта гот. изделий) / High tech exports, percent of manufactured exports		Патентные заявки от резидентов / Patent applications by residents		Патентные заявки от резидентов на 1 млн чел. / Patent applications by residents for 1 million people	
	Абс. значение	Отн. значение (Россия – 100%)	Абс. значение	Отн. значение (Россия – 100%)	Абс. значение	Отн. значение (Россия – 100%)	Абс. значение	Отн. значение (Россия – 100%)	Абс. значение	Отн. значение (Россия – 100%)	Абс. значение	Отн. значение (Россия – 100%)
Армения / Armenia	0,19	19,19	0,19	32,76	45,55	0,45	9,87	90,05	101	0,41	34	19,98
Беларусь / Belarus	0,61	61,62	0,70	120,6	717	7,04	3,98	36,31	453	1,82	48	28,05
Китай / China	2,19	221,2	27,07	4667,2	731890	7187,4	31,44	286,9	1393815	5591,8	972	568,9
Индия / India	0,65	65,66	0,86	148,3	20273	199,1	9,01	82,21	16289	65,35	12	6,98
Казахстан / Kazakhstan	0,12	12,12	0,12	20,69	2251	22,11	28,22	257,5	789	3,17	43	24,89
Кыргызстан / Kyrgyzstan	0,11	11,11	0,15	25,86	40	0,39	8,05	73,45	137	0,55	21	12,50
Молдова / Moldova	0,25	25,25	0,28	48,28	19	0,19	2,53	23,08	92	0,37	23	13,32
Пакистан / Pakistan	0,24	24,24	0,20	34,48	401	3,94	2,32	21,17	306	1,23	1	0,83
Россия / Russia	0,99	100,0	0,58	100,0	10183	100,0	10,96	100,0	24926	100,0	171	100,0
Сингапур / Singapore	1,94	195,9	32,02	5520,7	155446	1526,5	51,72	471,9	1575	6,32	271	158,8
Южная Африка / South Africa	0,83	83,84	1,09	187,93	2240	22,00	5,32	48,54	657	2,64	11	6,57
Таджикистан / Tajikistan	0,10	10,10	0	0,00	0	0,00	0	0,00	2	0,01	0	0,13
Узбекистан / Uzbekistan	0,13	13,13	0	0,00	12	0,12	0,47	4,29	470	1,89	14	8,34
Вьетнам / Vietnam	0,53	53,54	31,24	5386,2	82613	811,2	40,16	366,4	646	2,59	7	3,92

Источник / Source: составлено автором на основании данных Business and economic data for 200 countries, данные ООН. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/economies/> / compiled by the author on the basis of Business and economic data for 200 countries, UN data.

Примечание / Note: Абс. значение – Absolute value; Отн. значение – Relative importance.

Анализ показывает, что в течение последнего десятилетия Россией ведется систематическая работа по расширению традиционно сложившихся направлений экономической интеграции. Так, в октябре 2019 г. был подписан первый блок документов из пакета всеобъемлющей торговой сделки между странами ЕАЭС и Республикой Сингапур. Это событие выводит ЕАЭС на новую ступень экономического взаимодействия на АТР.

Как представляется, изучение опыта заключения соглашения о зоне свободной торговли ЕС–Сингапур важно для ЕАЭС с точки зрения определения возможных разногласий и минимизации риска потерь. Так, исследователи отмечают, что «...Сингапур, в отличие от ЕС, в своих двух- и многосторонних торговых соглашениях отдает предпочтение регулированию использования товарных знаков, а не наименований мест происхождения товаров» [9]. В целом при проработке новых направлений интеграции России с другими странами преобладает комплексный подход к направлениям сотрудничества, заключающийся в согласовании тарифов, инвестиций и услуг. И здесь особую роль приобретает возможность использования инструментов «мягкой силы». В России «мягкую силу» принято рассматривать в первую очередь как инструмент для решения внешнеполитических задач. На наш взгляд, это сужает ее роль. Представляется, что подключение аспектов ресурсного оперирования с акцентом на культурологический, цивилизационный, образовательный, экологический ресурс может совершенствовать механизм «мягкой силы» в условиях санкционного давления, роста протекционизма и регионализма в современных международных экономических отношениях и служить основой обновленной геоэкономической стратегии страны.

Таким образом, на фоне тенденции равновесного развития западноевропейского и восточного векторов российского ресурсного экспортного спроса стоит задача продвижения многовекторности ресурсной стратегии и обеспечения баланса ресурсных интересов.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕСУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Российский рынок труда характеризуется сегментированностью. Под трудовым ресурсом интеграционного образования предлагается понимать *во-первых*, часть трудоспособного населения, участвующего в воспроизводственном процессе и содействующе-

го реализации экономических проектов локального, регионального, глобального масштабов; *во-вторых*, ментальную составляющую другой цивилизационной, культурологической, национально-этнической специфики в национальной среде; *в-третьих*, совокупность трудовых возможностей стран — членов интеграционного образования, обусловленная количеством экономически активного населения, его образовательным, профессиональным, интеллектуальным уровнями и способностью к саморазвитию. Следовательно, трудовой ресурс включает социальную компоненту, влияя тем самым на динамику развития мировой системы в целом. Приведем сравнение развитых стран и России по перспективам привлечения трудовых ресурсов.

Спрогнозируем приток трудовых мигрантов в развитые страны (Западная Европа, США, Канада, Австралия, Япония, Южная Корея). В качестве данных возьмем показатели фактического притока по годам начиная с 1995 по 2017 г.,² используя полиномиальную линию тренда. Как следует из *рис. 1*, набор данных содержит четыре выраженных экстремума, поэтому применяем полиномиальное уравнение четвертой степени.

Посредством уравнения $y = 0,026x^4 - 1,5059x^3 + 26,259x^2 - 116x + 240,43$ можно рассчитать прогнозные значения ожидаемого количества мигрантов в экономически развитые страны. Для 2020 г. оно равно 391,3 тыс. чел., для 2022 г. — 505,3 тыс. чел.

Анализ показал, что в России не ведется систематического наблюдения за притоком трудовых мигрантов из-за рубежа. Поэтому возьмем данные о количестве оформленных разрешений и патентов на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства³.

Набор данных содержит шесть экстремумов, поэтому применим полиномиальное уравнение шестой степени.

Посредством уравнения $y = -2,3318x^6 + 174,69x^5 - 4797,4x^4 + 57\,947x^3 - 289\,361x^2 + 595\,449x - 153\,429$ можно рассчитать прогнозные значения ожидаемого количества трудовых мигрантов в России. Для 2020 г. оно равно 2004 тыс. чел., для 2022 г. — 2239 тыс. чел.

² Данные: Migration Data Portal. URL: https://migrationdata-portal.org/data?i=inflow_work&t=2017.

³ До 2016 г.: данные с сайта ФМС России. URL: https://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Statistics/Statisticheskie_svedeniya_po_migracionnoi. С 2016 г.: данные с сайта МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

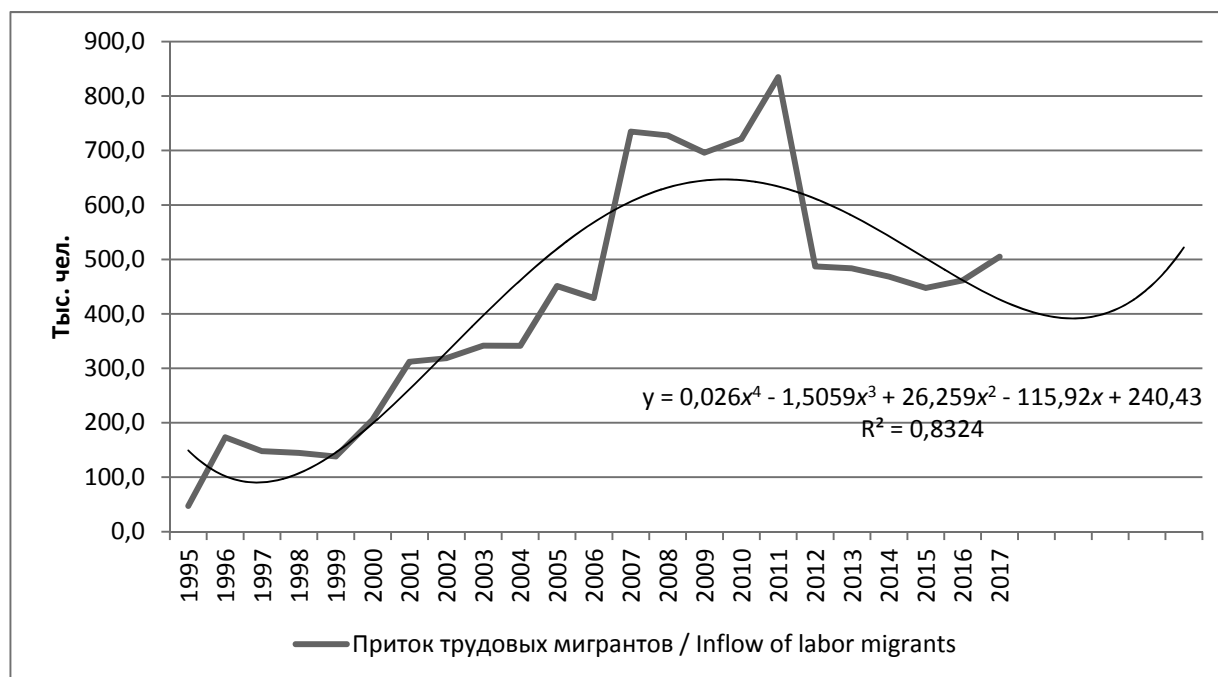

Рис. 1 / Fig. 1. Приток трудовых мигрантов в экономически развитые страны / Inflow of labor migrants to economically developed countries

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

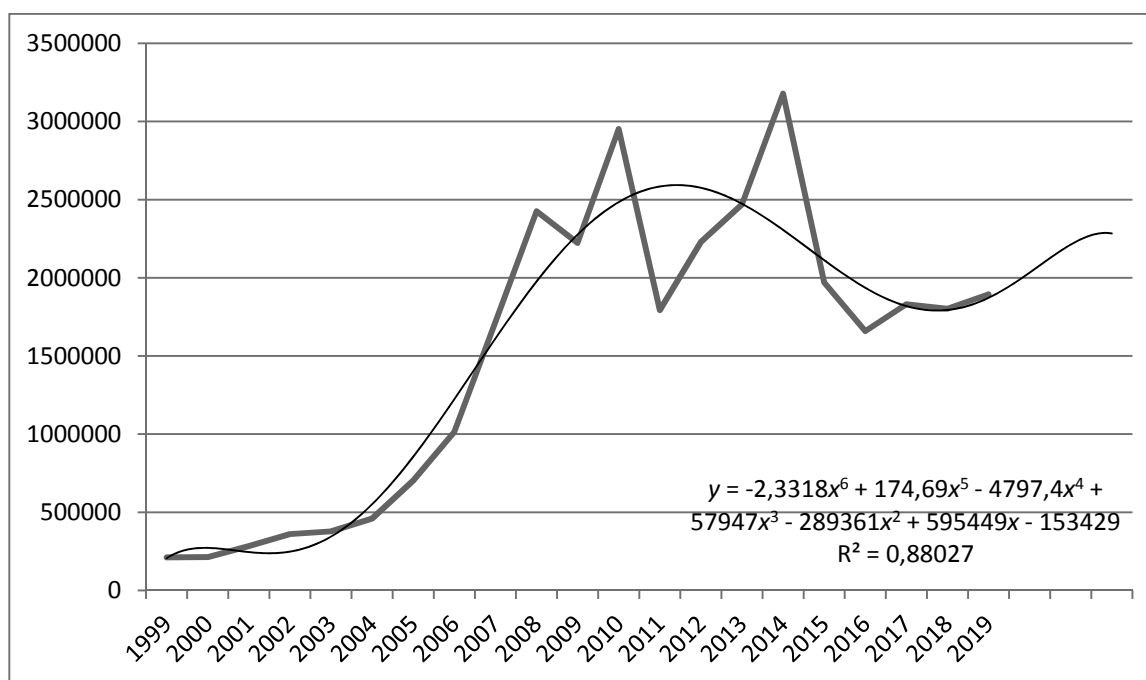

Рис. 2 / Fig. 2. Разрешения и патенты на работу, оформленные иностранным гражданам и гражданам и лицам без гражданства / Work permits and patents issued to foreign citizens and stateless persons

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Заметно, что прогнозируемые темпы роста притока мигрантов в развитые страны выше, чем в Россию. Иными словами, чем более развита экономика, тем выше потребность в трудовых мигрантах. Таким образом, России не следует отказываться от проводимой политики по привлечению трудовой силы из-за рубежа, мотивируя создание рабочих мест для собственного населения в отраслях — локомотивах мировой экономики, требующих высококвалифицированных кадров.

В экономической литературе ведется дискуссия о возможности глобального управления в сфере миграции как сочетания многоуровневого управления в миграционной сфере и соответствующих институтов [10]. Представляется, что структурное оформление миграционного кластера на региональном и макрорегиональном уровнях может способствовать гармонизации интеграционных отношений.

Отдельным препятствием на пути повышения эффективности интеграционного взаимодействия с соседними с Россией странами, особенно в восточном направлении, выступает отсутствие полностью сформированной опорной транспортной сети. Представляется целесообразным сконцентрировать усилия на решение этой задачи, начиная с регионов Дальнего Востока и Сибири, синхронно внедряя транспортную телематику, беспилотные транспортные системы, электронные логистические технологии и пр. Вместе с тем необходимым видится разработка электронного атласа ресурсного потенциала России в его широком понимании в целях обеспечения высокой эффективности управления ресурсными потоками, сбережения ресурсов, активизации внешнеэкономической деятельности, определения новых точек роста в развитии интеграционных процессов с участием России.

РАЗЛИЧИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

При осуществлении интеграционного процесса ряда стран следует учитывать, кроме оценки уровня их экономического развития, имеющегося объема ресурсов, ожидаемых выгод от сотрудничества, различия в культуре этих стран, нередко принадлежащих разным цивилизациям. Эта специфика, заключающаяся в согласовании ритма работы компаний с местным укладом, учете особенностей быта населения, его истории и культурных предпочтений и т.д., отражается в подходах к ведению бизнеса на принципах делового общения и формирования кор-

поративной культуры отдельных компаний. По мнению экспертов, культура может тормозить или стимулировать экономическое развитие через структуру и уровень транзакционных издержек. Возникновение прироста вследствие снижения транзакционных издержек позволяет трактовать совокупность социокультурных факторов как социальный и культурный капитал [11, с. 86]. Так, согласно Всемирному обзору ценностей (*World Values Survey*) на пространстве Евразии наблюдаются культурные дистанции между странами. Этот глобальный исследовательский проект уже около 40 лет аккумулирует данные об изменении ценностей, мировоззрения людей из многих стран мира. Преломляя данные исследования на интеграционные процессы с участием России, можно определить степень близости стран по ценностно-поведенческим характеристикам [12]. Например, среди стран, имеющих близкую культурную идентичность с российской идентичностью, в порядке убывания можно ранжировать Украину, Беларусь, Казахстан, Эстонию, Армению, Румынию, Кыргызстан, Азербайджан, Южную Корею, Словению, Китай, а Узбекистан, Нидерланды, Швеция, Япония и Индия имеют существенный разрыв с Россией по культурным ценностям. Следовательно, можно сделать вывод, что каждая страна имеет свой культурологический ресурс, используя который можно гармонично включаться в сложившиеся мирохозяйственные связи или, наоборот, снижать активность по направлениям, противоречащим сложившимся культурным ценностям вплоть до блокировки геоэкономических проектов, в особенности кластерно-сетевых типа. Успех интеграционного процесса зависит от того, насколько сбалансированным будет его включение в новую культурологическую среду.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН

Влияние геополитического фактора на запуск и функционирование геоэкономических проектов, мобилизующих широкий спектр ресурсов, за последние годы возросло, что нашло отражение на характере, динамике и перспективах развития интеграционных процессов [13, 14]. Так, МИД России⁴,

⁴ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2019 г. Обзор МИД России. Москва, март 2020 г.

являясь основным органом государственной власти, реализующим «мягкую силу», на фоне санкционного давления на Российскую Федерацию в различных международных форматах проводит работу по отмене нелегитимных односторонних ограничений и содействует включению в международные документы формулировок о контрпродуктивности односторонних санкций на системной основе, оказывая поддержку внешнеэкономической деятельности российского бизнеса. Кроме этого, он укрепляет взаимосвязь международных банковских структур с российским участием. Структуры МИДа России в течение 2018–2019 гг. провели последовательную работу по сопряжению экономических интересов ЕАЭС с Брунеем, Индонезией, Камбоджей, Малайзией, Мьянмой, что можно рассматривать в качестве задела для новых интеграционных инициатив. На этом фоне, несмотря на политические противоречия в последние годы, наблюдается активизация экономического взаимодействия между ЕС и Евразийским экономическим союзом. На международных научных конференциях рассматриваются вопросы создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, оцениваются возможности регулирования технических норм во взаимной торговле⁵. Подключение ресурсного фактора к инструментам «мягкой силы», как представляется, может минимизировать отдельные противоречия между задействованием положительных аспектов «исторической памяти» в планировании и реализации экономического сотрудничества.

Таким образом, политический ресурс стран и интеграционных образований в первую очередь концентрируется на политико-дипломатическом сопровождении значимых проектов за рубежом и лоббировании интересов отечественных компаний. Подтверждением этого служит анализ ежегодных отчетов о внешнеполитической деятельности Российской Федерации, в которых существенная часть посвящена поддержке экономических проектов глобального и регионального масштабов.

ВЫВОДЫ

В мирохозяйственных связях наметился новый тренд: «создание интеграционных объединений, основанных на принципах равенства, открытости

и свободы торговли» [15, с. 633]. Речь идет о поиске новых форматов и методов взаимодействия на фоне снижения эффективности сложившихся воспроизводственных моделей. И здесь просматривается ведущая роль ресурсного вектора в развитии интеграционных отношений как фактора «мягкой силы» России. Представляется, что выход на приоритетные позиции именно нематериальных видов ресурса и успешное оперирование ими во внешнеэкономических связях позволят преодолеть вызов дистанцирования от тесных отношений с Россией ряда стран, имеющих длительный опыт и перспективы взаимовыгодного экономического сотрудничества. Следовательно, снимаются противоречия и достигается баланс ресурсных интересов участников мирохозяйственного общения.

Рассмотренные особенности участия России в интеграционных процессах позволяют определить приоритетные задачи на перспективу. Среди них:

- повышение спроса на российские товары и услуги за рубежом;
- обеспечение роста конкурентоспособности российских компаний на внешнем рынке;
- содействие оптимальному распределению ресурсов на российской территории и в рамках интеграционных образований.

Для комплексного решения вышеотмеченных задач необходимо уделять повышенное внимание поиску новых подходов к вопросам долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования. Инструментами их решения могут быть в том числе:

- 1) формирование минерально-сырьевых центров и перспективной экономической специализации субъектов Российской Федерации согласно реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.;
- 2) строительство нового транспортного коридора «Восточная Азия — Европа»;
- 3) совершенствование действующих и разработка новых транспортных коммуникаций между центрами экономического развития России, а также повышение мощности морских портов и строительство дополнительных автомобильных и железнодорожных подходов к ним;
- 4) поддержка государством и бизнесом кластерных инициатив;
- 5) использование в интеграционных процессах опыта реализации стратегий умной специализации.

⁵ Аналитический вестник Совета Федерации. — 2020. — Т. 735. — № 2. — С. 18.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хейфец Б.А. Евразийский экономический союз — время для модернизации // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* — 2019. — № 2. — С. 29–50. — ISSN 2542–0240. — DOI: 10.23932/2542–0240–2019–12–2–29–50
2. Абрамов В.Л. Оценка конкурентных преимуществ государств БРИКС на основе межстрановых сопоставлений // *Экономические науки.* — 2019. — № 179. — С. 131–134. — ISSN 2072–0858. — DOI: 10.14451/1.179.131
3. Интегрирование российского региона в мировую хозяйственную сферу: эволюция новых организационных структур: монография / под общей ред. Е.В. Сапир, И.А. Карачева. — Ярославль: Филигрань, 2017. — 252 с. — 200 экз. — ISBN 978–5–6040093–2–1.
4. Абрамов В.Л., Алексеев П.В., Кузнецов А.В., Перская В.В., Соколова Е.С., Торопова Н.В., Ревенко Н.С. Реализация национальных интересов Российской Федерации в сотрудничестве со странами АТР. — Москва: Финансовый университет, 2020. — 187 с. — ISBN 978–5–16–015462–6.
5. Дынкин А.А., Телегина Е.А., Халова Г.О. Роль евразийского экономического союза в формировании большой Евразии // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2018. — Т. 62. — № 4. — С. 5–24. — ISSN 0131–2227. — DOI: 10.20542/0131–2227–2018–62–4–5–24
6. Международные экономические отношения: реалии вызовы и перспективы: монография / под общей редакцией Л.С. Ревенко. — Москва: МГИМО Университет, 2019. — 750 с. — 500 экз. — ISBN: 978–5–9228–2029–5.
7. Канаев Е.А., Королев А.С. ЕАЭС И АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2020. — Т. 64. — № 1. — С. 64–72. — ISSN 0131–2227. — DOI: 10.20542/0131–2227–2020–64–1–64–72
8. Лисоволик Я.Д., Сутырин В.В., Иванова К.С. Актуальные аспекты наследия евразийцев для российского экономического развития // *Вопросы географии.* — 2019. — № 148. — С. 309–327. — ISSN: 0372–5758.
9. Наку А.А., Макаренко А.К. Соглашение о зоне свободной торговли между Европейским союзом и Сингапуром // *Вопросы российского и международного права.* — 2018. — Т. 8. — № 1А. — С. 186–194. — ISSN: 2222–5129.
10. Малахов В. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2019. — Т. 63. — № 10. — С. 89–96. — ISSN 0131–2227. — DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–10–89–96
11. Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // *Вопросы экономики.* — 2020. — № 7. — С. 75–91. — ISSN: 0042–8736.
12. Орлова Н.Л. Ресурс: новое прочтение и геоэкономическое измерение экспортного потенциала: монография. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. — 460 с. — 500 экз. — ISBN: 978–5–394–02669–0.
13. Ганеева М.В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского Экономического Союза // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.* — 2017. — Т. 25. — № 2. — С. 168–177. — ISSN: 2313–2329. — DOI: 10.22363/2313–2329–2017–25–2–168–177
14. Кузнецов А.В. Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* — 2017. — № 10(5). — С. 15–29. — ISSN 2542–0240. — DOI: 10.23932/25420240–2017–10–5–15–29
15. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Роль России в развитии интеграционных процессов на развивающихся рынках // *Экономика региона.* — 2020. — Т. 16. — № 2. — С. 625–636. — ISSN: 2072–6414. — DOI: 10.17059/2020–2–22

REFERENCES

1. Kheifets B.A. Eurasian Economic Union — Time for Modernization. *Kontury global'nykh transformations: politika, ekonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law.* 2019;(2):29–50. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542–0240–2019–12–2–29–50

2. Abramov V.L. Assessment of the competitive advantages of the BRICS states based on cross-country comparisons. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences.* — 2019;(179):131–134. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.179.131
3. Integration of Russian region into the world economic sphere: the evolution of new organizational structures: monograph. Yaroslavl': Filigran'; 2017. 252 p. (In Russ.).
4. Abramov V.L. Alekseev P.V., Kuznetsov A.V. et al. Realization of the national interests of Russian Federation in cooperation with the countries of the Asia-Pacific region. Moscow: Finansovyi universitet; 2020. 187 p. (In Russ.).
5. Dynkin A.A., Telegina E.A., Khalova G.O. The role of Eurasian Economic Union in the formation of large Eurasia. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = World Economy and International Relations.* 2018;(4):5–24. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2018–62–4–5–24
6. International economic relations: realities, challenges and prospects: monograph. Moscow: MGIMO Universitet; 2019. 750 p. (In Russ.).
7. Kanaev E. A., Korolev A. S. EAEU-ASEAN: results and prospects of cooperation. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = World Economy and International Relations.* 2020;(1):64–72. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2020–64–1–64–72
8. Lisovolik Ia.D., Sutyryn V.V., Ivanova K.S. Actual aspects of the Eurasians heritage for Russian economic development. *Voprosy geografii.* 2019;(148):309–327. (In Russ.).
9. Naku A.A., Makarenko A.K. Free trade agreement between the European Union and Singapore. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law.* 2018;(1A):186–194. (In Russ.).
10. Malakhov V. Global governance in the field of migration: theory, institutions, politics. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = World Economy and International Relations.* 2019;(10):89–96. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–10–89–96
11. Auzan A. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaia A.A. Sociocultural factors in economy: traversed frontiers and current agenda. *Voprosy Ekonomiki.* 2020;(7):75–91.
12. Orlova N.L. Resource: new reading and geoeconomic measurement of export potential (scientific monograph). Moscow: Izdatel'sko-torgovaia korporatsiia «Dashkov i K°»; 2016. 460 p. (In Russ.).
13. Ganeeva M.V. Internal threats to economic security of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics.* 2017;(2):168–177. (In Russ.). DOI: 10.22363 / 2313–2329–2017–25–2–168–177
14. Kuznetsov A.V. Limits of interaction between Russian and Chinese business in the EAEU countries. *Kontury global'nykh transformations: politika, ekonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law.* 2017;(10):15–29. (In Russ.). DOI: 10.23932/25420240–2017–10–5–15–29
15. Kheifets B.A., Chernova V. Iu. The role of Russia in the development of integration processes in emerging markets. *Ekonomika regiona = Economy of region.* 2020;(2):625–636. (In Russ.). DOI: 10.17059/2020–2–22

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Леонидовна Орлова — кандидат экономических наук, доцент Департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
NLOrlova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalya L. Orlova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at Department of World Economy and International Business, Financial University, Moscow, Russia
NLOrlova@fa.ru

Статья поступила 10.09.2020; принята к публикации 25.11.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 10.09.2020; accepted for publication 25.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.